

ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ В ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Г. Балаж

1. С распространением описательной лингвистики и одновременным оттеснением на задний план исторического языкознания, и в области интердисциплинарных наук, граничащих какой-либо своей частью с лингвистикой, наблюдается приоритет синхронного подхода. Как теоретики языкознания (начиная с Ф. де Соссюра до Н. Хомского), так и представители различных направлений философии языка занимаются почти исключительно структуральными, психологическими, коммуникативными, биологическими, социальными и другими аспектами функционирования языка, в то время как один из важнейших атрибутов языка — его изменение — остается вне рамок анализа. Это тем заметнее, что раньше в истории языкознания — благодаря в первую очередь рождению сравнительной лингвистики индоевропейских языков, а потом чрезвычайно сильному влиянию школы младограмматиков — единственно научным методом исследования языка считался именно исторический. Чем же объясняется такой резкий поворот?

2. Появление принципов структурализма в лингвистике несомненно повлекло за собой значительные последствия в отношении как предмета, так и методов языкознания. Работа Ф. де Соссюра "Cours de linguistique générale" (Курс общей лингвистики), вышедшая в свет в 1916 г. на основе его лекций, прочитанных между 1906 и 1911 гг., открыла новую главу в истории науки. Речь идет не только о том, что женеvский языковед создал теоретические основы синхронной лингвистики и этим "поднял ее на уровень, равный с историческим языкознанием", но и о том, что синхрония и диахрония одновременно противопоставлялись друг другу. Соссюр считал, что структурный метод совместим лишь с описательным аспектом. Авторитет его мнения привел к тому, что историческое языкознание методологически отстало, его престижу был нанесен тяжелый урон. Не случайно, что из структурных лингвистических направлений, возникших вследствие новаторской деятельности Соссюра, Бодуена де Куртенэ и других, практически только Пражская школа не перестала заниматься диахронными исследованиями. К сожалению, даже считающаяся в наши дни доминирующей генеративная лингвистика не находила выхода из данной антиномии, существующей уже более семидесяти лет.

3. Целью настоящей работы не является общий анализ или

критика соссюрвской теории языка, однако, для изучения поставленной в заглавии темы казалось необходимым напомнить о выше приведенных фактах. Они, может быть, отчасти объясняют, почему так мало в специальной литературе работ, посвященных характеру языковых изменений. Даже в руководствах по истории отдельных языков, или языка вообще, возникают только вопросы, касающиеся главным образом способов языковых изменений, в то время как их причины остаются скрытыми. Число работ, посвященных специально теоретическим проблемам историчности языка — довольно скромно. Вот почему для развертывания своей тематики мы воспользуемся и материалом, опубликованным в 1958 г. Именно в этом году вышла в свет книга Э. Косериу — "Sincronía, diacronía e historia"¹, в которой в процессе тщательной критики Соссюра подробно трактуются и историко-лингвистические аспекты проблемы причинности. Поскольку указанная работа Косериу является основополагающей, на идеи, высказанные в ней в связи с поставленным нами вопросом, следует обратить должное внимание.

4. Основная концепция Косериу основывается на следующих тезисах:

- а) парадокса языкового изменения в действительности не существует: он объясняется ошибочным отождествлением "языка" и "синхронической проекции";
- б) проблема языкового изменения не должна ставиться в причинных терминах;
- в) утверждения Соссюра все-таки основываются на правильной интуиции, которая интерпретируется ошибочно;
- г) антиномию "синхрония—диахрония" следует отнести не к плоскости объекта, а к плоскости исследования, т.е. она относится не к речевой деятельности, а к лингвистике;
- д) у самого Соссюра можно найти элементы для преодоления указанной антиномии;
- е) концепция Соссюра, однако, содержит существенную ошибку, которая мешает преодолеть внутренние противоречия;
- ж) нет противоречия между "системой" и "историчностью": историчность языка обуславливает его системность;
- з) антиномия "синхрония—диахрония" может быть преодолена

¹ E. Coseriu. Sincronía, diacronía e historia. El problema del cambio lingüístico. Montevideo, 1958. В русском переводе: Синхрония, диахрония и история. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 143—343.

только исторически.²

В дальнейшем обратим внимание на мотивировку высказывания под пунктом б).

5. По мнению уругвайского лингвиста язык относится к явлениям не причинного, а целевого характера, которые определяются своей функцией. Языковой знак мотивирован с точки зрения цели, а не причины, ведь язык понимается в первую очередь как функция, и только потом как система. Язык функционирует и конкретизируется в речи, где важно различать *норму* и *систему*. Нарушению нормы не сопутствует нарушение языковой системы. При исследовании языковых изменений нельзя путать логическую проблему изменения с его общими и историческими проблемами. Почему изменяются языки — это вопрос логики и не входит в лингвистику. Логическую основу изменения языка Косериу видит в том, что язык не дается в готовом виде, а непрерывно воспроизводится в речевой деятельности, причем говорящий пользуется языком для того, чтобы осуществлять свою *свободу* выражения. Упомянутые разными авторами психофизические влияния (напр. усталость, восторг, инерция органов речи и др.) не могут быть причинами изменений, потому что они только в том случае могут повлиять на язык, если языковые навыки не достаточно прочны, и если они не затрагивают функционирования системы.³

6. Языковое изменение происходит в ходе коммуникации. Его необходимая, но недостаточная предпосылка состоит в том, чтобы говорящий отклонялся от актуальных языковых моделей и таким образом появлялась какая-либо *инновация*. Инновацией может быть искажение традиционной модели, выбор между некоторыми, равными по функции элементами, системное образование (в соответствии с возможностями системы), заимствование из другого языка или какое-либо явление т.н. функциональной экономии, проанализированной, между прочим, А. Мартинэ. О действительном изменении, однако, можно говорить лишь в том случае, если инновация распространяется, обобщается. В конечном итоге всякое изменение является рядом последовательных *принятий*, которые всегда представляют собой сознательный процесс.

Среди изменений разных языковых уровней наибольшее внимание уделялось изучению фонетических изменений. Младogramматическая традиция создала понятие "звуковых законов", и с

² Там же, с. 145.

³ Там же, с. 188.

тех пор главной целью исследования стали раскрытие и описание таких законов. По мнению Косериу звуковые законы не являются причинами фонетических изменений, а лишь констатациями *a posteriori* исторических фактов.⁴

7. В связи с общими условиями изменения принято говорить о внутренних и внешних факторах. Но поскольку первые являются второстепенными, и имеют только опосредствованное влияние, правильнее говорить о системных (функциональные оппозиции и т.д.) и внесистемных (область языковых навыков, языковая традиция) факторах. В связи с этим Косериу замечает, что нельзя принять тот взгляд А. Мейе, согласно которому причина, вызывающая языковое изменение — это "модификация в структуре общества", поскольку она может ощущаться лишь косвенным путем. Как системные, так и внесистемные факторы функционируют не как причины, а как условия или ограничения языковой свободы в создании и воссоздании языка. Иными словами, они определяют, какие инновации будут приниматься.

8. Как считает Косериу, единственно возможные объяснения, которые можно дать языковым изменениям, ни в коей мере не являются причинными. Понятие причинности в лингвистике связывается с языковой "эволюцией". Когда языки начали считать естественными организмами, языковеды стали в них искать таких же предполагаемых "законов", как в явлениях физики. Подобные стремления появляются и у некоторых структуралистов, которые ставят знак равенства между причинами и условиями изменения. Они считают причинами тенденцию к равновесию системы и к различительным оппозициям, т.н. слабые точки в языковой системе, влияние субстрата, а "действенной причиной" — фонетические изменения. На все же это отчасти можно смотреть как на проблему терминологии, однако в ней отражается подход, главный недостаток которого в том, что он не различает методов физических и гуманитарных наук. Тезис "единственное следствие — единственная причина" в лингвистике является обманчивым, поскольку то же самое следствие может быть вызвано несколькими причинами, поэтому нет смысла искать единственной причины. В случае фактов истории нужно не общее, а конкретное объяснение. И там имеет место обобщение, но оно формальное, а не материальное; "следовательно, материальные объяснения культурных фактов не столь

---

⁴ Там же, с. 202.

научны, сколь иллюзорны".⁵

8.1. Подвергая критике причинный подход, Косериу — следуя идеям Канта — обращает внимание на различие между миром необходимости и миром свободы. Первое относится к явлениям природы, а последнее — к явлениям культуры, где следует искать внутренней необходимости, то есть целенаправленности, хотя изменения мотивированы, их мотивация лежит не в "объективной" или "естественной" причинности (т.е. в необходимости), а в плане целенаправленности, в "субъективной" или "свободной" причинности, поскольку язык представляет собой свободную и целенаправленную деятельность. Следовательно, никакой внешний фактор не может оказывать влияния на язык, игнорируя свободу и интеллектуальную деятельность говорящих. Однако зря мы ищем причин изменений и в самом языке, ведь сложившаяся языковая традиция тоже не может быть причиной своего изменения. В языке даны только обстоятельства, технические условия, в рамках которых действует языковая свобода говорящих, и которые она использует и одновременно изменяет в соответствии с потребностями выражения. ("Слабые точки" являются также не причинами, а проблемами, которые языковой свободе приходится решать.) Надо не искать внешних по отношению к свободе причин изменения, а объяснять с точки зрения целенаправленности то, что уже создано благодаря языковой свободе говорящих. Кроме того, следует выяснить, каким образом созданное изменение определяется недостатками или возможностями языка в состоянии, предшествующем изменению.⁶

8.2. В самом деле и целенаправленность является видом мотиваций, и в таком состоянии представляет собой часть общего понятия причины. Здесь — и во всей книге довольно часто — автор ссылается на Аристотеля, который, как известно, различает четыре вида причины: действенную, материальную, формальную и причину-цель. Причина-цель (целенаправленность) всегда является доминирующим фактором, таким основанием, в силу которого непосредственно действующая причина "заработает" (идея или план дома предшествует строению). Поэтому в случае языковых изменений невозможно сослаться ни на какие причины физического характера, в том числе ни на принцип "наименьшего усилия", выработанным Авенариусом и Ципфом, ни на принцип "инструментальной эконо-

⁵ Там же, с. 268—273.

⁶ Там же, с. 274—279.

мии" Мартинэ. (Тем менее, что создание новых средств в языке всегда значит наибольшее усилие.) Речевая деятельность характеризуется не практической, а познавательной целенаправленностью; в языке может быть и практическая целенаправленность, но необязательно.⁷

8.3. Языковая свобода эффективно использует язык и стремится сохранить его эффективность. В силу этого она может создать новые средства, отказаться от функционально бесполезных, или усилить функционально необходимые различия. "Языковое изменение имеет одну действительную причину — языковую свободу говорящих, и одно универсальное основание — экспрессивную (и коммуникативную) целенаправленность" — пишет Косериу.⁸ Изменения происходят в определенных условиях, при определенных закономерностях. Целенаправленность в качестве "субъективной причинности" может быть опознана только субъективно, посредством внутреннего опыта, поскольку речь идет о факте, который не может наблюдаться во внешнем мире. Следует ответить не на то, "почему (в силу каких эмпирически объективных обстоятельств) произошло то или иное изменение", а на то, "зачем я, располагая определенной системой и находясь в определенных исторических обстоятельствах, изменил бы А в В, отказался бы от элемента С или создал бы элемент D".⁹ Целевые объяснения до определенной степени связаны с риском, не всегда дают точные ответы, но это еще не значит, что сам принцип целенаправленности является неадекватным.

8.4. Подобно Гумбольдту, Косериу тоже использует теорию деятельности Аристотеля для моделирования речевой деятельности и языкового изменения. Когда он пишет о структурализме, Косериу замечает, что данное направление, исходя из строго статического понимания языка как *ἔργον*, подошло к пониманию языка как исторической потенциальной деятельности (*δύναμις*), определяемой через *ἐνέργεια*. *Δύναμις* преодолевает эту *ἐνέργεια* и постоянно перестраивает ее.¹⁰

Историческое и структурное объяснения не исключают друг друга; первое указывает на возможное внешнее происхождение

⁷ Там же, с. 281—283.

⁸ Там же, с. 284—285.

⁹ Там же, с. 286.

¹⁰ Там же, с. 289.

факта языка, а последнее объясняет функциональное проникновение данного факта в систему. Языковое изменение, однако, не объясняется ни тем, ни другим, поскольку — аргументирует Косериу — между ними фигурирует языковая свобода говорящих, которая для определенной цели (удовлетворение потребностей выражения) использует исторический материал. Структурализм лишь указывает на взаимодействие языковой свободы и системы, но оставляет без внимания сам процесс, поскольку он происходит в языковой норме, через целый ряд актов отбора. Диахронный структурализм, как правило, исходит из "готовой", "сбалансированной" системы, а не из движущейся; поэтому он нуждается во внешней причине, чтобы привести систему в движение.

8.5. Говоря о теории т.н. синхронных срезов, — которую практически приняла и разновидность исторической лингвистики, построенная на генеративных принципах, — Косериу заявляет, что данная теория не снимает антиномию между синхронией и диахронией, потому что она отождествляет (историческое) бытие языка с языковым состоянием. Он считает более радикальным подходом т.н. телеологическую концепцию, которая связана в первую очередь с деятельностью Якобсона и Трубецкого — представителей вышеупомянутой Пражской школы. Они, однако, употребляют выражения *целенаправленность*, *намерение*, *телеология*, *тенденция* как равноправные термины, и хотя механической причинной позиции младограмматиков противопоставляют основанное на правильной интуиции, более реальное воззрение, тем не менее их терминология приводит к терминологической двусмысленности. Телеологическую концепцию можно было бы полностью принять только в том случае, если целенаправленность сопровождалась бы всяким индивидуальным актом принятия определенного языкового элемента. Сторонники упомянутого воззрения, напротив, говорят об объективной целенаправленности, т.е. о таком внешнем и заранее определенном факторе, которому язык подчиняется в силу внутреннего давления. Косериу заявляет, что существование такой объективной целенаправленности нельзя доказать, и напоминает о том, что по Канту телеологические суждения, которые обыкновенно относятся к природе, не имеют объективной силы, поскольку в действительности ничего не говорят об объектах, а выражают лишь отношение субъекта к этим объектам, т.е. они относятся к плоскости мышления. Телеологический подход в самом деле является одной из форм причинной позиции, ведь он допускает детерминированность языковой системы, другими словами — утверждает, что в языке можно обнаружить причины его изменения. По мнению автора, все

это является обновлением устарелой трактовки, согласно которой языки представляют собой естественные организмы. Постановка внешней и заранее определенной цели влечет за собой отрицание языковой свободы и языка как *ἐνέργεια*. Поэтому телеологический подход следует отвергнуть и противопоставить ему настоящую целенаправленность.

8.6. Общие законы языкового изменения обязательно являются вероятностными законами, которые зависят от языковой свободы, выражающейся в речевой деятельности — пишет Косериу. Они вскрывают только то, как происходит данное изменение, но не то, почему. Языковое "развитие" не тождественно эволюции объекта природы; в языке речь идет о построении объекта человеческой культуры, которое может быть мотивировано только целевой установкой говорящих, а не внешними или внутренними объективными условиями. "Это нисколько не уменьшает эмпирической ценности изучения "условий" изменения, поскольку в эмпирическом плане следует изучать, как действует языковая свобода в определенных условиях, а также каковы способы и нормы такой формы человеческого творчества..."¹¹

9. В своем предисловии¹² к русскому переводу книги Косериу, советский языковед В.А. Звегинцев подвергает критике вышеупомянутую теорию с двух точек зрения. Согласно первому его возражению неясно, когда инновация переходит в изменение, где граница между двумя явлениями. "Сколько людей должны «принять» инновацию, чтобы она превратилась в изменение? Если определять инновацию как индивидуальное явление (проявляющееся первично в индивидуальном речевом акте), а изменение — как межиндивидуальное, то и это не спасет положения. Ведь всякий индивидуальный факт, поскольку он адресован другому индивиду, является уже межиндивидуальным. Следовательно, мы имеем дело здесь не с качественным, а количественным различием, да к тому же не имеющим никаких осязательных критериев."¹³ По Звегинцеву помешение языковой свободы между инновацией и принятием еще больше запутывает картину, и легко могут потеряться все закономерности функционирования и эволюции языка. Мы считаем, что в теории Косериу языковая свобода представляет центральную кате-

¹¹ Там же, с. 298—308.

¹² В.А. Звегинцев. Теоретические аспекты причинности языковых изменений. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 125—142.

¹³ Там же, с. 137.

горию, проявление целенаправленности и сознательности изменения и активности говорящих, которая не просто "помещается" куда-нибудь, а является одним из значительных моментов концепции. С другой стороны, если принимаем, что следует различить языковую систему и норму, — а это уже кажется тривиальным, — то никак не трудно убедиться в том, что изменение в любой языковой норме не обязательно сопровождается изменением целой языковой системы. Если "нарушение" нормы влечет за собой модификацию системы, можно говорить о языковом изменении, а в противном случае инновация остается непринятой. Значит, нет необходимости в количественных критериях, которые и сам Косериу считает неудовлетворительными.

Что же касается второго возражения Звегинцева, его можно суммировать следующим образом: Косериу ошибочно заменяет каузальность языковых изменений их функциональностью. По Звегинцеву в речевой деятельности действительно есть целенаправленность, но она относится лишь к функционированию языка, в то время как в эволюции налицо причинность.¹⁴ Кажется, Звегинцев здесь допускает такую же ошибку, как и большинство лингвистов, занимающихся данной тематикой — не определяет, что именно он понимает под причинностью. Поскольку этого эксплицитно и Косериу не делает, возникает подозрение, что данная проблема, хотя бы частично, носит терминологический характер. Поэтому мы считаем целесообразным коротко остановиться на понятийном анализе этой категории. Для этого мы используем главным образом книгу М. Бунге под заглавием "Причинность".¹⁵

10. Бунге указывает на то, что причинность — это отнюдь не единственная категория детерминации, как утверждается каузализмом. Кроме причинной детерминации (причинности) он упоминает типы создания закономерного: количественная самодетерминация, взаимодействие, механическая, статистическая, структурная, телеологическая и диалектическая детерминация. В реальных процессах действует всегда несколько детерминационных факторов, причем причинность не является внешней по отношению к остальным, а тесно связана с ними. Многократная причинность, например, может привести к статистической детерминированности. Из четырех аристотелевских причин современное мышление сохранило лишь дейст-

¹⁴ Там же, с. 141–142.

¹⁵ М. Bunge. Az okság. Az oksági elv helye a modern tudományban. Bp., 1967.

венную причину как фактор, влияющий извне.¹⁶

10.1. Бунге считает неудовлетворительным эмпирическое определение Хьюмом причинности, потому что оно затушевывает разницу между корреляцией и созданием, и не дает отчета в единственности и генетическом характере отношения между причиной и следствием. Вместо этого он предлагает более уточненную формулировку: "Если С случается, тогда (и только тогда) Е всегда возникает через него".¹⁷

10.2. Причинность часто путают с функциональной зависимостью (в том числе неопозитивисты), однако в функциях отсутствует генетическая связь. Необоснованное использование функционализма приводит к органическому воззрению, выраженному в представлениях об однородном мире, в котором нет места ни для случайности, ни для свободы. Причинность, однако, дает достаточно места во вселенной, где случайность как онтологическая категория может осуществиться (напр. при соприкосновении первоначально независимых причинных цепей или взаимно иррелевантных процессов). Причинность не является фаталистической, поскольку оставляет простор для свободы, и не является механической, поскольку в ней есть самодвижение, взаимодействие и внутренний "раздор" противоположностей.¹⁸

10.3. С распространенными формулировками принципа причинности, которые требуют единственности причинной связи, можно согласовать только простую причинность, которая способна отражать среднюю линию течения, но не целый процесс. Простая причинность часто является необходимой и приблизительно валидной, но в строгом смысле она никогда не верна. В ходе эволюции возникают новые уровни, поэтому причинные цепи имеют органическую валидность как грубые модели реального бытия.¹⁹

10.4. Свобода — это не нарушение закономерного поведения, а одна из его разновидностей, а именно: **самодетерминация**. Как таковая, она является положительной ценностью, активным стремлением к достижению оптимального самоопределения. Действенные причины, как правило, действительны постольку, поскольку они вызывают, усиливают или смягчают внутренние процессы. Другими

¹⁶ Там же, с. 23–59.

¹⁷ Там же, с. 76. (Перевод мой — Г.Б.)

¹⁸ Там же, с. 125–127.

¹⁹ Там же, с. 193–194.

словами, эффективность внешних детерминантов зависит от внутренних детерминантов. Поскольку наряду с внешней причиной играют важную роль и внутренняя структура, категория взаимодействия и самодвижения, адекватное решение, по мнению Бунге, следует искать в синтезе самодетерминации и внешней детерминации. Таким образом, случайное может распространиться в ущерб необходимому.²⁰

10.5. Законы необязательно заключают в себе причинность. Существуют и некаузальные законы, и такие, в которых налицо несколько детерминационных категорий. Законы науки представляют не что другое, как приблизительные идейные реконструкции имманентных форм структур и процессов.²¹

10.6. Большинство известных общественно-исторических законов является статистическим, т.е. они не во всех случаях валидны. Осознание исторической специфичности совместимо с научным обобщением. Конкретные и поэтому единичные объекты, как и исторические события, можно воспринять в качестве **скрещивания** многочисленных законов. Общественно-исторические законы являются сугубо некаузальными, поскольку "большинство общественных процессов «исторического значения» одновременно в высокой степени **самоопределено** (детерминируется изнутри самой структурой общественной группы), категорически **диалектично** (создается или вызывается борьбой групп людей), частично **телеологично** (хотя большей частью неосознанно, но стремится достигнуть определенных целей) и типично **статистично** (является результатом в значительной степени независимых друг от друга различных индивидуальных актов)".²²

11. Наверно и без подробных комментариев можно признать, что теория Косериу о языковых изменениях совместима с концепцией причинности Бунге, изложенной довольно коротко и отборчиво выше. Этим одним, конечно, не доказывается правильность ни той, ни другой теории, но, принимая во внимание различную тематику и независимость друг от друга двух работ, концепцию Э. Косериу можно принять по меньшей мере как одну из возможных и наиболее адекватных.

12. Из более новых трактовок, касающихся причинности, является особенно интересной и для лингвистики т.н. теория

²⁰ Там же, с. 249—252.

²¹ Там же, с. 349—350.

²² Там же, с. 342. (Перевод мой — Г.Б.)

Интенциональности Дж.Р. Сэрла.²³ Интенциональность (Intentionality) — это широкая философская категория, которую можно обнаружить не исключительно в языке, но, между прочим, и во многих психологических состояниях, в наблюдении, действии. Ее сущность — направленность на что-либо (directedness). В отдельных разновидностях Интенциональности речь идет о "репрезентации" действительности (напр. вера, память, желание и т.д.), а в других — о "презентации" (напр. видение, действие). Презентация представляет собой подтип репрезентации, куда относятся сознательная умственная деятельность, и где по-прежнему присутствует категория причинности. Для всех видов такой деятельности характерны условие удовлетворения и направление соответствия. Поскольку подробное изложение этой теории превысило бы пределы настоящей работы, попытаемся проиллюстрировать сказанное с помощью нескольких примеров.

12.1. В случае видения, например, Интенциональным компонентом является визуальный опыт. Условие удовлетворения визуального опыта — чтобы были такие объекты, состояния и т.д., у которых есть определенные свойства и определенные причинные отношения с визуальным опытом. Направление соответствия — от разума (mind) к миру. Поскольку направленность причинного отношения всегда противоположна этому, — ведь визуальный опыт вызывается наличием свойств данного объекта, — здесь соответствие идет от мира к разуму.

Подобно видению можно проанализировать и (преднамеренное) действие. В этом случае Интенциональным компонентом является опыт действия, а условием удовлетворения — чтобы у действующего лица были движения тела, состояния и т.д., и чтобы они были связанными с опытом действия посредством определенных причинных отношений. Соответствие идет от мира к разуму, в то время как причинное отношение — от разума к миру (движения вызываются опытом).²⁴

12.2. В обеих упомянутых разновидностях Интенциональности речь идет о сознательной деятельности, проникнутой причинным отношением, т.е. о двух видах презентации. В отличие от традиционных теорий причинности, Сэрл заявляет, что для решения Интенциональной причинности достаточен опыт данного случая, нет

²³ J.R. Searle. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983.

²⁴ Там же, с. 37—III.

нужды в дальнейших наблюдениях или предположении любых релевантных каузальных законов. Существование причинного отношения в данном случае не сопровождается универсальной корреляцией подобных случаев (регулярностью). Между причиной и следствием наблюдается такая логическая, внутренняя связь, которая не принадлежит дескрипциям, описывающим такую связь. Во всех случаях, где налицо Интенциональная причинность, хоть одно из условий представляется таким Интенциональным состоянием или событием, которое или вызывает свои условия удовлетворения, или возникает через них. В таких случаях причинное отношение испытывается непосредственно; оно является частью содержания, а не объекта данного опыта, т.е. речь идет не о внешней причине. При любой презентации непосредственно создается причинность, ведь она находится внутри опыта. Отношение, обнаруженное между событиями, не необходимо; одно событие (напр. мой опыт действия) представляет собой каузальную Интенциональную презентацию другого события (напр. движение моей руки), причем два события вместе вызывают сложное событие (я поднимаю руку). Презентации — это каузальные и Интенциональные взаимодействия между разумом и миром; то, что действительно происходят ли они, не от разума зависит.

Нет причинности, основывающейся на регулярности, и Интенциональной причинности отдельно; существует только одна — действенная причинность (*efficiency causation*), в силу которой одни вещи вызывают другие. Ее можно применить лишь там, где имеется высокая степень каузальной регулярности. Предположение такой регулярности является принадлежностью неинтенционального "Фона" (*Background*).²⁵

13. Хотя Сэрл не касается проблемы языкового изменения, встает вопрос, можно ли интерпретировать воззрение Косериу в рамках теории Интенциональности. Мы считаем, что это возможно. На языковое изменение Косериу смотрит как на сознательную деятельность, в которой нет внешней причины, лишь одна внутренняя действенная причина — свобода говорящих. Таким образом, стремление говорящего вызвать то или другое изменение можно воспринять как разновидность Интенциональной презентации. Интенциональным объектом может быть новое слово, измененная языковая единица или любое нарушение нормы, т.е. какая-либо инновация. Условие удовлетворения — чтобы данная инновация была принята в ходе межиндивидуальных речевых актов. Языковое изменение

²⁵ Там же, с. 112–140.

вызывается (если условие удовлетворения осуществляется) языковой свободой (т.е. опытом изменения), поэтому направленность причинного отношения — от разума к миру, а направление соответствия — от мира к разуму. Все несознательные факторы, оказывающие влияние на изменение (напр. психофизические, социальные и другие условия) относятся к Фону. Характер инновации и ее способность распространиться в данном языковом коллективе зависят от "Сети" (Network) Интенциональных состояний говорящих.

Чтобы окончательно ответить на вопрос, насколько можно принять вышеизложенную интерпретацию теории Косериу о языковом изменении, конечно, требуется дальнейший анализ, который уже не является задачей настоящей работы.